

12 Ольга и Наталья Семеновы
МОЛИТВА ЗА БЛИНЫ
рассказы и рассказыки

Ольга и Наталья Семеновы

**Молитва за блины.
Рассказы и рассказыки**

«Издательские решения»

Ольга и Наталья Семеновы

Молитва за блины. Рассказы и рассказыки / Ольга и Наталья Семеновы — «Издательские решения»,

Вокруг нас с Вами роятся маленькие и большие истории. Очень важно их заметить и не остаться к ним равнодушными. Каждая история — часть нашей жизни. Сегодня мы расскажем некоторые из них. В этой книге Вы прочитаете рассказы и рассказыки, которые уже вошли в изданные книги, но есть и новые. Все они «написаны сердцем»...

© Ольга и Наталья Семеновы

© Издательские решения

Содержание

В шаге от...	6
Лыжная прогулка	9
Губит ли нас жадность?	12
Кошара — чудесное место на земле	14
«Грозная» эфа	17
Неожиданный лекарь	19
Бородавка или очень плохое поведение	21
Красное платье в белый горох ¹	24
За травами	29
Крокодил или доклад с демонстрацией ²	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Молитва за блины Рассказы и рассказы

Ольга и Наталья Семеновы

Дизайнер обложки Александра Водолажченко

© Ольга и Наталья Семеновы, 2026

© Александра Водолажченко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-9470-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В шаге от...

Когда Ванюшка проснулся тем зимним морозным утром, за окном было ещё совсем темно. В доме стояла тишина, и было очень тепло. Зимой родители печку натапливали рано-рано утром, ещё до того, как уходили на работу. Печь в доме стояла большая, почти во всю комнату, и потому держала тепло до самого вечера.

«Тихо, — подумал Ваня, — значит, все уже ушли, а я даже не слышал ничего».

Иван, его брат Василий, отец Алексей Осиевич и мать Надежда Тихоновна жили в доме на окраине деревни Марково в Кировской области.

Это была маленькая деревенька, всего около тридцати дворов, ничем не отличавшаяся от других таких же, находившихся поблизости. В них не было ничего примечательного, за исключением немного забавных названий — Коптята, Киргишаны. Сейчас, к сожалению, большинство таких деревень уже исчезло, или в них осталось совсем мало жителей, а после войны они ещё жили и были раскиданы по всей стране.

Летом такие посёлочки превращались в живописные зелёные цветущие уголки, а зимой жизнь в деревне замирала. В снежные зимы снегу наметало взрослому по пояс, а дети могли скрыться в нём по макушку; в деревне улица зимой — сани проехали, оставили колею — это уже считалось дорогой.

Отец Вани работал в МТС (машинно-тракторная станция) — ремонтировал сеялки, комбайны, тракторы. Все говорили, что у него «золотые руки», и это соответствовало действительности. В его доме, единственном на всю деревню, а, возможно, и на всю округу, имелось электричество и радио от ветряка, который он тоже сделал сам по чертежам из журнала «Техника — молодёжи».

Мать работала в колхозе за «галочки» трудодней, и также весь день пропадала на работе. Брат Василий был старше Ивана, и уже ходил в школу, а Ванюшка оставался дома один на целый день. Недавно ему исполнилось целых пять лет — это уже солидный возраст для деревенских ребят, скоро в школу, он уже почти самостоятельный человек.

Садиков и, уж тем более, яслей в деревнях тогда ещё не водилось. Дети постарше, как Васька, ходили в школу, а маленьких детей родители оставляли дома — запирали дом снаружи и уходили на работу, надеясь, что всё будет в порядке. Зато все дети очень рано приучались к самостоятельности.

Иван умел найти себе занятие сам, и никогда не скучал. Чтобы занять мальчишку, родители оставляли ему несколько больших поленьев из дров и большой нож. Полено обязательно должно было быть без сучков, а нож выполнял функции топора, тесака и рубанка. Ваня мог возиться с таким поленом весь день — иногда все полено к вечеру изводил в стружку. Самые лучшие поленья получались из березы и липы — у них мягкая сердцевина, они как раз без сучков и поэтому лучше кололись.

В то утро всё происходило, как обычно: Ванюшка встал и оделся. Поскольку печь стояла натопленная, дома было тепло, и ребёнок одел на себя только рубашку и штаны, на ногах — обычные шерстяные носки, они мягкие и хорошо сохраняют тепло. Дома он один: родители на работе, брат вернётся из школы только после обеда, если не побежит куда-нибудь с друзьями, а родители придут вообще поздно вечером. Зима в этом году стояла морозная, на улице — трескучие морозы, а дома, рядом с печкой, тепло и уютно.

После завтрака Ваня решил заняться настоящим делом. Взял одно из поленьев, оставленных отцом, и начал из него делать саблю. Мальчик увлечённо работал ножом, и полено уже стало приобретать нужную форму, но тут ему понадобилась пила. Иван точно знал, что она лежит в сенках. Для тех, кто не знает: сенки — это неотопливаемый пристрой к избе под одной с ней крышей, с крыльца сначала попадаешь в сенки, а уже потом из них в избу. Там хранился

различный инструмент, вёдра, одежда, домашняя утварь. Зимой в сенках царил почти такой же холод, как и на улице.

Ванюшка решил не одеваться, чтобы выйти в сенки — ему ведь требовалось просто выскочить, взять пилу и сразу заскочить обратно, так что замёрзнуть он не успеет. Мальчишка так и выскочил, в рубашке и носочках. И всё было бы хорошо, если бы не одна деталь — дверная ручка. Ручка на двери, которая крепилась со стороны избы, располагалась как раз на уровне головы мальчика, а так как пол в сенках находился гораздо ниже пола в избе, то дверная ручка со стороны сенок оказалась намного выше от пола. Для пятилетнего мальчишки она находилась гораздо выше его головы, и, чтобы схватиться за неё, ему приходилось вставать на цыпочки и тянуться вверх.

Зима в тот год стояла очень холодная, и отцу Ивана часто приходилось скалывать лёд с косяков двери, ведущей в избу. Делалось это так: дверной проём изнутри затыкали теплым одеялом, настежь открывали дверь, и топором скалывали с порога, с косяков и с двери намёрзший за ночь лёд.

Мальчик быстро выскочил в сенки. Уже когда он открывал дверь, то заметил, что та стала открываться с трудом — лёд давно не скалывали, и она уже начала примерзать. Ваня дверь за собой в избу, конечно, закрыл, чтобы не выхолаживать дом, затем отыскал в ящике для инструментов пилу, на это тоже потребовалось какое-то время, и вернулся к двери.

Сначала мальчишка потянул дверь в избу не за ручку, а за край, потому что до ручки ему было высоко, но дверь его усилиям не поддавалась. Вот тут-то Ванюшка почувствовал неладное. Он отставил пилу, подпрыгнул, схватился руками за ручку двери покрепче и хотел дернуть дверь посильнее. Но дверная ручка была железная, и руки мальчика сразу прилипли к железу, мальчишка с трудом смог их оторвать, так они примёрзли.

Тогда Ваня подобрал тряпку, лежавшую в углу сенок, схватил дверную ручку через тряпку и повторил попытку открыть дверь. Да, руки уже не примерзали, но дверь всё равно не открывалась — её уже сильно прихватило морозом. Упора для ног тоже не было, а сил у пятилетнего ребенка, чтобы открыть примёрзшую дверь, не хватало.

Вот тут-то Ваня впервые почувствовал страх. Он предпринял ещё несколько попыток открыть дверь: бился над ней, пока не обессилил. Через какое-то время ребёнок почувствовал, что стал замерзать — из одежды на нем были рубашка (не очень тёплая), штаны и носки.

Ваня понял, что оказался в очень сложном положении. Он не мог зайти в тёплую избу, а сенки со стороны улицы родители закрыли на замок снаружи, и сам он оказался на морозе почти раздетым. Только-только прошло утро, а родители вернулись бы домой поздно вечером. К этому моменту он вполне мог уже замёрзнуть. Мальчик даже не мог выйти наружу и позвать кого-нибудь на помощь, а орать в сенках бесполезно — стены прочные, никто не услышит.

Когда Ваня окончательно замёрз, то громко заревел.

Баба Маша шла домой из магазина. Снега в эту зиму намело много, иногда под самую крышу домов, дорог в деревне — никаких, только узенькие тропочки протоптаны. Поэтому женщина шла медленно, не торопясь добрела до дома своих соседей, вот уже недалеко виднелся и её собственный дом.

Она остановилась передохнуть около соседского дома, каждая следующая зима давалась ей всё тяжелее и тяжелее, и вдруг услышала детский плач. В деревне зимой слышно очень далеко, как в лесу. Это сейчас в каждом деревенском доме живёт по собаке, а иногда и не по одной. А в послевоенных деревнях собак не заводили, в них не было нужды — тогда жили без воровства и хулиганства, да и лишний рот кормить ни к чему. Вот коты обязательно жили в доме, чтобы мышей и крыс ловить, а собаки были не нужны, поэтому тишину в деревне зимой почти ничего не нарушало.

Баба Маша прислушалась и поняла, что плач раздаётся как раз из-за соседских ворот. Она знала, что там живет семья с двумя детьми, и младший был совсем маленький, ещё даже в школу не ходит. Зайти в чужую избу соседка не смогла, поэтому громко крикнула через забор:

— Ваня, это ты? Случилось что? Чего ревешь?

В ответ послышались всхлипы, а затем мальчик ответил:

— Я вышел за пилой в сенки, а теперь дверь в избу открыть не могу, она примёрзла. А я в сенках почти раздетый. И без валенок. Я совсем замёрз, и дома никого нет.

Женщина немного подумала и прокричала:

— Возьми что-нибудь тяжёлое и ударь по двери посильнее. Лёд на ней треснет, и она откроется. У тебя там топор в сенках-то есть?

— Есть.

— Вот, возьми его и ударь обухом по двери, да покрепче.

Мальчишеский рёв сразу прекратился, всхлипы тоже. Соседка прислушалась, но наступила тишина — из-за забора не раздавалось никаких звуков. Потом вдруг послышался глухой сильный удар.

«Ага, — догадалась соседка. — Это он нашёл топор и со всей силы ударил обухом по двери».

Потом она услышала протяжный скрип, затем её хлопок, потом ещё пару раз из избы донёсся всхлип, и всё стихло.

«Ну, слава Богу! — подумала баба Маша. — Смог открыть дверь и попасть в избу, теперь уже не замёрзнет».

Она ещё немного постояла на дорожке, прислушиваясь, всё ли в порядке, а потом тихонечко побрела к своему дому.

Вечером, когда родители вернулись домой, Ваня сидел в избе и что-то мастерил, он уже согрелся и отошёл от страха. Но тот случай запомнился ему на всю жизнь, ведь его спасла просто случайность — если бы мимо не проходила соседка, он мог бы замёрзнуть насмерть прямо в сенках, буквально в шаге от тёплой избы.

Лыжная прогулка

Стояла настоящая русская зима. Не такая, как сейчас — с постоянными оттепелями и перепадами температур, а холодная, снежная, с метелями и вьюгами, с частыми и сильными морозами и снегопадами.

Ваня жил в деревне Марково, в Кировской области. Деревня небольшая — всего домов тридцать. Летом здесь совсем неплохо: вокруг лес, поля, луга, покосы, а зимой всё это великолепие засыпало снегом. Дорог в деревне практически не строили, сани проедут — вот тебе и дорога; дома заметало иногда по самую крышу, да и сами домики, справедливости ради сказать, строились совсем не высокие, одноэтажные с маленьким чердаком под крышей.

Тот зимний день выдался солнечным и ярким, а по ощущениям — даже немного теплым. В послевоенное время в деревне, конечно, не было никаких измерительных приборов, всяких там градусников, термометров. Температуру определяли по ощущениям — холодно или тепло. Вот и тот день маленький Ванюшка определил, как тёплый, несмотря на то, что стояла самая середина февраля.

У Ванюшки было хорошее настроение: яркий, солнечный тёплый денёк, приближается весна. Поэтому после обеда ребята решили поехать кататься на лыжах.

Про лыжи надо рассказать особо. Это сейчас можно зайти в любой спортивный магазин и выбрать лыжи на свой вкус и кошелек. После войны в деревнях дело обстояло совсем по-другому. Магазины «Спорттовары», конечно, в деревнях не водилось, поэтому лыжи часто делали самостоятельно. Брали две ровные доски с загнутыми носками, причём доски обязательно должны быть из чистого дерева, посреди каждой лыжи крепились ремни, куда вставлялся носок валенка, и к ремню ещё привязывали верёвку, чтобы валенок крепко держался и не спадал по дороге. Такие лыжи, конечно, получались тяжеловатыми, но для мальчишек вполне подходящие. Однако надо сказать, что у Вани имелись настоящие лыжи, отец их купил в магазине в райцентре.

Компания мальчишек собралась подходящая — около десятка ребят, все разных возрастов, но Ваня был среди них самый маленький. Хотя для деревни шестилетний мальчик — это уже почти самостоятельный и взрослый человек. Родители отпускали его одного кататься на лыжах, знали, что он — мальчик серьёзный, умный, один не пропадёт, а уж в компании таких же ребят, как он, и подавно.

Вокруг Марково стояли и другие деревни, однако, тоже небольшие. Все они располагались друг от друга на расстоянии не более чем в два-три километра. Вокруг деревенок стоял лес, в котором было много оврагов, горок, пригорков, где так здорово зимой кататься на лыжах, а летом просто гулять и заниматься «тихой охотой», собирать ягоды и грибы.

Сначала ребята катались рядом с деревней, потом зашли чуть дальше в лес. Покатавшись на одном пригорке, переходили на другой, подальше, затем бежали кататься в этом овражке, потом ещё дальше, в другом. Погода стояла чудесная: светило солнышко, ветер стих, снег вокруг искрился, и настроение у всех было отличное. Ребята заезжали в соседние деревни, и катались всё время в разных местах. Компания мальчишек тоже постоянно менялась — одни ребята уходили, другие появлялись, к компании прибывались незнакомые мальчишки тоже со своими друзьями.

В конце концов, уже под вечер, незаметно ребята оказались далеко от знакомых мест, и совсем далеко от Марково. И тут выяснилось, что все приятели и знакомые Ванюшки потихоньку уже отстали или просто ушли, а он оказался в незнакомой компании и в совершенно незнакомом месте. И даже не в другой деревне, где можно постучаться в любой дом и спросить, где ты оказался, а просто в зимнем вечернем лесу.

Зимой темнеет рано; быстро наступили сумерки и резко стемнело. Все мальчишки разбежались, а Ваня оказался один в темноте в лесу зимой поздно вечером. Он не имел представления, где он находится и как добраться до своей деревни. Он даже не знал, в какой она стороне и куда ему идти. Стало очень темно, но, к счастью, тут на небо выкатилась очень яркая Луна, и всё вокруг заискрилось серебряным светом.

Ванюша огляделся — вокруг него стоял густой зимний лес, мальчика окружали высокие сосны, ели, лиственницы, осины, дубы. Хотя все они зимой выглядели одинаково, кроме ёлок и сосен.

Как ни странно, никакой паники мальчик не ощутил. Хотя Ваня и не знал, где оказался и как сейчас попасть домой, он неожиданно понял, что примерно помнит путь, которым попал сюда. Он сообразил, что ему нужно пройти по тем самым местам, где он катался с ребятами, но только в обратную сторону, и если он в точности повторит свой путь, то рано или поздно вернётся в свою деревню.

Иван покрепче закрепил валенки на лыжах, ухватил поудобнее палки, и отправился в обратный путь. Мальчишка шёл спокойно, не торопясь, и точно по тому пути, которым они шли с ребятами совсем недавно. Шёл и приговаривал вполголоса про себя:

«Вот тут мы посидели, вон пень из-под снега торчит», «вот с этого пригорка мы долго катались, даже две дорожки от лыж остались», «а вот в этом овраге я упал и чуть не сломал одну из лыж, хорошо, что обошлось».

Вокруг стояла полная тишина, ветра не было совсем. Не было слышно даже собак в деревнях, ведь раньше в деревнях собак не держали — зачем кормить лишний рот... Иван брёл целенаправленно, не осознавая всей серьёзности ситуации, просто шёл по лыжне, по своим следам. Мальчику помогала ясная полная Луна и абсолютное безветрие: лыжню не занесло, и их следы не замело, они чётко выделялись на снежном массиве.

Уже став взрослым, Иван часто вспоминал эту необычную лыжную прогулку. При лунном свете на снег очень приятно смотреть, он нисколько не слепит глаза, как при солнечном свете. Снег весь в голубоватых искорках, которые слегка подмигивали мальчишке, он как большое белое одеяло — мягкий и приветливый, над головой — чёрное бархатное небо с маленькими колючими огоньками звёзд, и яркая Луна. Настоящая волшебная ночь из сказки, не каждому дано такое увидеть.

Шёл мальчик долго, часов у него, конечно, при себе не было, но по его ощущениям, прошло много времени. Добрался он до своей деревни и своего дома уже глубокой-глубокой ночью.

Дома, в деревне, конечно, уже царила настоящая паника. Из соседей на поиски ребёнка собиралось настоящее ополчение. Изба Вани была битком набита людьми — соседи, друзья, которые уже собрались с фонарями и факелами бегать вокруг деревни и искать пропавшего ребёнка. Начало поисков осложнялось только тем, что никто не знал, куда и с кем ушёл кататься мальчик. Люди хотели уже просто выйти в лес и звать его, надеясь на чудо.

Электрического света в деревне, кстати, тогда тоже не было. В домах люди жгли керосиновые лампы, щипали лучины. Однако в доме у Ваниных родителей электрический свет имелся. Говорили, что у отца Ивана, Алексея Осиевича «золотые руки». Он сам установил на высоченном дубе около дома ветряк с генератором от трактора. Этот ветряк крутился от ветра, крутил генератор, тот вырабатывал ток и заряжал когда-то давно списанный аккумулятор. А от аккумулятора уже ток поступал в дом. Так что свет был, конечно, слабый, но всё-таки это настоящий электрический свет, который светил гораздо ярче лучины или керосинки.

Вот на этот свет, лившийся из окошка родного дома, в два часа ночи и вышел усталый и голодный, замучившийся полуживой мальчик. Однако хоть он и замерз, но не обморозился.

Радость в доме была неописуемая. Отец, мать, соседи сгрудились вокруг ребёнка, спрашивали его, где он ходил, не пострадал ли, как добрался до дома, ахали и восхищались его

храбростью и умом. В конце концов, соседи, успокоенные, ушли, а среди родителей Вани опять поднялась лёгкая паника: мальчик замёрз, ему срочно нужен компресс, а то он заболит.

Компресс в те времена делали только водочный. Мать Вани взяла стакан, налила туда наполовину водки, и они с отцом начали собирать всё, что нужно для компресса — клеёнку и какую-нибудь чистую тряпицу. Ваня увидел, что на стол поставили стакан с водкой, и при этом говорили, что всё это для Ивана. И поскольку он очень хотел пить, а стакан, по словам родителей, был «для него», то он подошёл к столу и одним духом выпил всю водку из стакана. На вкус она показалась ему очень горькой, но ребёнок подумал, что это лекарство. А раз лекарство, то оно и должно быть горьким, так что всё в порядке. После этого Ваня забрался на тёплую печку, укрылся ещё одним одеялом и стал отогреваться. Постепенно усталость взяла свое, и мальчик заснул.

Правда, проспал он недолго. Сквозь сон услышал разговор на повышенных тонах. Мать отчитывала отца, когда это он успел выпить водку из стакана. Отец говорил, что и не притрагивался к стакану. В это время Ваня проснулся и громко сказал с печки:

— Это я выпил, — после чего заснул окончательно и очень крепко.

Вот тут снова началась настоящая паника. Мать кричала, что, если сын не замёрз в лесу, значит, сейчас точно отравится, и надо срочно везти его в больницу или самим бежать за врачом. Отец был более спокоен, он сказал, что мальчик проспится, и ничего страшного не случится. В итоге прав оказался отец. Мать продежурила возле печи всю ночь до утра, но мальчик за ночь даже ни разу не перевернулся с боку на бок и не проснулся.

Утром Ваня встал, и за завтраком рассказал родителям про свою ночную «лыжную прогулку». Отец похвалил его за находчивость, умение не впадать в панику и разумные действия по ситуации.

Действительно, именно спокойствие и память помогли маленькому мальчику выйти из этой непростой ситуации без потерь.

Губит ли нас жадность?

Стояло настоящее лето — жаркие длинные дни, тёмные короткие ночи. Вообще на Урале такая погода бывает редко, настоящее уральское лето обычно холодное, с дождями, северным ветром и пасмурной погодой. Но в тот год природа решила сжалиться над уральцами, и весь июль стояла жара с редкими ночными грозами и дождями.

В такое лето особенно хорошо было за городом, в деревне. Деревня называлась Бисертъ, она стояла на берегу реки с таким же названием. Лет триста назад известный промышленник Демидов основал здесь Бисертский завод, и этот завод до сих пор стоит на берегу реки. Сейчас река перегорожена плотиной, которая образовала большой пруд. Пруд был достаточно глубокий — в ширину около полутора километров. Берега его были обычными, как у любого другого водоема, а вблизи завода находилась плотина, облицованная плитами. Вдоль неё была даже проложена автодорога и пешеходная дорожка.

Плотина всегда привлекала множество мальчишек и из Бисерти, и из окрестных деревень. Летом здесь хорошо купаться — вода тёплая, берега бетонированные. Мальчишки ходили купаться на плотину на лодках или на самодельных плотах. Они отплывали подальше от противоположного от плотины тенистого берега, уплывали на глубину, и там уже вволю загорали, ныряли и плавали.

Иван поступал так же, как все его приятели. Он тоже любил купаться и плавать, а в это необычно жаркое лето вообще все дни пропадал на реке. Этой зимой ему исполнилось тринадцать лет, и осенью он должен был пойти в седьмой класс. В 60-е годы прошлого века в деревне мальчишки такого возраста — уже вполне самостоятельные люди. А Иван, к тому же, всегда отличался серьезным характером, независимостью суждений и самостоятельностью. Он хорошо плавал, как и все деревенские мальчишки, выросшие рядом с рекой, и родители не боялись отпускать его купаться одного на реку и плавать на плотах по пруду около плотины. Да и как бы они его проконтролировали? Родители с утра до вечера на работе, а мальчишка уже взрослый — тринадцать лет всё-таки.

В то лето у Ивана завелась автомобильная камера. Надо сказать, что для мальчишек в то время это была огромная ценность и предмет зависти всех приятелей. Чёрная, лёгкая, круглая, её можно прикатывать домой, на ней можно плавать на самую середину пруда, загорать, с нею так хорошо нырялось, и к тому же камера очень быстро сохла. В общем, настоящее мальчишеское сокровище. Далеко не все деревенские мальчишки являлись обладателем подобного сокровища.

Конечно, в этот жаркий летний день Иван пошел купаться на речку со своей камерой. Вошёл в теплую воду, запрыгнул на камеру и для начала отплыл подальше от берега. Солнышко жарило вовсю — середина июля всё-таки. Мальчик приплыл почти на середину пруда, и уж там отвёл душеньку — вволю нанярылся, накупался, — вода была тёплая, прогретая за долгие летние дни.

После купания Ваня устал и решил немного полежать и позагорать на камере. Он пригрелся на солнышке и, незаметно для себя, задремал. С берега дул лёгкий ветерок, и камеру, незаметно для мальчишки, тихонько относил всё дальше и дальше к плотине.

Мальчишка и сам не понял, как это получилось, но вдруг он оказался в воде. Видимо, пригрелся и заснул, а во сне случайно свалился в воду. Пришёл он в себя уже в прохладной воде, наглотавшись её и совершенно не понимая, что случилось, и где он оказался. Ваня вынырнул на поверхность, проморгался и огляделся — и надо сказать, что увиденное его испугало. Пока он выныривал и протирали глаза, ветер и течение отнесли камеру от него уже на приличное расстояние. К тому же, ветер дул с берега и довольно быстро нёс камеру к плотине. Иван даже видел, как вслед за уплывающей камерой идёт белый пенный след — такой белый пенный

бурунчик. Это означало, что камера отплывала от него с достаточно высокой скоростью. Ваня подумал, что камеру ему уже не догнать, — она уплывала слишком скоро.

Тогда мальчик оглянулся в сторону берега, и тут испугался ещё сильнее — ему показалось, что берег оказался от него очень далеко, еле-еле видим. Он понял, что доплыть до берега также не сможет — ему просто не хватит сил, тем более что плыть придётся против ветра и течения, правда, не очень сильного, но всё же.

Что же теперь делать? Если он поплывет к берегу, ему придётся плыть против ветра, это тяжело, и сил может не хватить. Если же он бросится вплавь за камерой, то, учитывая, что ветер дул с берега, и камера к тому моменту уплыла уже далеко, он может просто её не догнать, и потерять оставшиеся силы. А повернуть назад и вернуться на берег он уже не сможет. На первый взгляд до плотины было всё-таки дальше, чем до берега.

Решать, что делать, надо было быстро, времени на раздумья у Ивана не оставалось совсем. Камера уплывала всё дальше, силы таяли, да и вода уже стала казаться не такой уж тёплой, даже просто холодной — мальчик начал замерзать. Что же выбрать? И тут в голову мальчику пришла неожиданная мысль: его камера плывёт к плотине, а там всегда полно мальчишек. Они любят купаться и загорать на устроенных берегах плотины в тёплой воде. А если они найдут бесхозную автомобильную камеру, которая сама плывёт к ним в руки, то, конечно же, сразу заберут её себе. Он бы так и сделал, на их месте. И значит, Ивану эту камеру уже ни за что не получить обратно.

Это последнее соображение разрешило все сомнения мальчика — надо плыть за камерой и во что бы то ни стало догнать её. Иван забыл все свои страхи, раздумья и неуверенность, и изо всех сил рванул за своей камерой.

Плыл он долго, как ему показалось, очень долго. В конце концов, у него уже не осталось сил, в глазах замелькали огоньки и чёрные точки, руки отяжелели. Он знал, что если не доплывёт до камеры, то утонет. В глотке жгло, дыхание сбилось, но он всё-таки последним взмахом руки обхватил камеру, сейчас она стала его несомненным спасением.

После этого Ваня долго отдыхал в воде — сил забраться верхом на камеру у него уже не осталось. Мальчик немного отдышался, залез на чёрный резиновый кругляш и начал тихонечко грести к берегу.

Обратно он плыл очень долго — устал и думал. А думал он вот о чем: так ли уж плоха жадность? Ведь если бы ему не стало жаль камеры, он бы поплыл к берегу. А берег этот был, как он только сейчас осознал, очень далеко, и, скорее всего, сил добраться до берега ему бы не хватило.

Так губит ли нас жадность?

Кошара — чудесное место на земле

Эта история произошла после окончания третьего курса института. Иван, как обычно, отправился на целину в составе стройотряда. Это стало у него уже доброй и хорошей традицией — во время летних каникул, на всё лето отправляться вместе со своим стройотрядом «Горизонт» «на целину». Каждое лето их посылали на разные участки и работы, ребята успели побывать в Магадане, на Чукотке, в Анадыре; они строили дома, электростанции, забивали сваи в мёрзлую землю и прокладывали дороги. Самые сильные впечатления остались у него от Чукотки, чего стоили только одни северные сияния с красочными всполохами во всё небо, и солнце, ходящее по кругу и не желающее скрываться за линией горизонта! Но возвращаться туда снова всё-таки не хотелось.

Вот все ругают погоду на Урале, а представьте себе: летним утром — у вас яркое солнце и плюс двадцать на термометре, а к уже к вечеру этого дня — температура резко падает и идёт настоящий снег, и всё это в середине лета. Вот она, настоящая Чукотка. Впрочем, ради справедливости надо сказать, что иногда Урал этим тоже отличается.

Однако на этот раз ребят из стройотряда «Горизонт» ждал Казахстан, и не просто столица или город этой огромной страны, а настоящая степь. Отправились они туда практически на следующий день после сдачи последнего экзамена, чтобы не потерять ни минуточки драгоценного «целинного» времени. За пару лет команда в стройотряде подобралась дружная, работающая и надёжная. Кстати, надо сказать, что попасть в этот их стройотряд было не так-то просто: во-первых, сдать всю сессию без долгов, а некоторые экзамены ещё и заранее, чтобы успеть на поезд; ну и во-вторых, работать должны все по своим силам, но, как говорили — «с полной выкладкой», кто как может.

Оплата работы в каждом стройотряде строилась по разным принципам. В основном зарплату назначали сообразно вкладу каждого работника: поварихам — меньше, рабочим, которые «сваи забивают» — больше. В некоторых стройотрядах девушки получали меньше, чем юноши, ведь они трудились, в основном, на кухне, а это считалось менее тяжелым и почётным трудом. Это казалось справедливым. Но в «Горизонте» было не так, у них общий заработок делился на всех поровну, независимо от того, кто и какой работой занимался. Но уж зато и выкладывался каждый по полному, но в меру своих сил. Примерно через две недели после начала работы, вечером, весь отряд собирался и выгонял из бригады того или тех, кто «филонил» или отлынивал от работы. Ведь на работе все на виду и всегда видно, кто работает «от души», а кто только делает вид. И что интересно, «вылетали» из отряда за лень, как правило, комсомольские работники...

В тот месяц студенты строили кошары — такие очень длинные и невысокие загоны для овец. Овечьи отары постоянно перегоняли с места на место в поисках лучших пастбищ, и чтобы овцы не проводили всю ночь в степи под открытым небом, а имели хоть какое-то укрытие от непогоды и от хищников, в разных местах степи строились такие кошары. Они представляли собой простую «коробку» — потолок, стены на каменном фундаменте — ничего лишнего и сложного, даже стены ставились из саманного кирпича — глина, солома, вода. Правда, строились эти кошары очень вытянутыми в длину, белее пятидесяти метров, а в ширину около десяти, чтобы большие отары овец могли туда быстро и без помех поместиться, когда их застигает ночь или непогода.

Вот такую отару и должны были соорудить четыре студента-третьекурсника Иван, Михаил, Владимир и Николай. Утром в лагерь стройотрядовцев приходил грузовик, собирал работников и развозил всех по своим участникам, кому куда выпало. Приятели уже несколько дней строили третью по счёту кошару довольно далеко от лагеря, и скоро должны были закон-

чить работу. Место для кошары выбирали не они сами, его им назначил прораб, а грузовик каждый день отвозил и привозил студентов обратно в лагерь.

Надо сказать, что в Казахстанской степи сложно с ориентирами, ведь ими обычно служили небольшие речушки, холмики, уже проложенные дороги. Местные, которые здесь родились и выросли, конечно, как-то могли ориентироваться, но для студентов-работников степь — это просто огромное и почти бескрайнее пространство высокой травы, цветов и невысоких кустарников. Куда ни посмотришь — во все четыре стороны простирается одна и та же картина, очень зелёная и яркая, цветущая, но достаточно однообразная.

Так было и с этой кошарой. Ребята к тому времени построили таких сооружений уже парочку, и несколько дней назад их стали возить на это место. Работа была несложная, привычная. Четверо работников-студентов делали фундамент, месили глину, делали кирпичи, возводили стены, и постепенно кошара принимала свой обычный вид.

Они ездили сюда уже несколько дней, и кошара стояла почти готовая. Видимо, к вечеру они её закончат, а уже завтра их отправят на новый «объект».

Иван приладил в стену последний кирпич и присел отдохнуть у входа, а Михаил прошёл через всю кошару, а получилась она у них длиной метров пятьдесят, и примостился у другого входа в неё.

Перед Иваном расстилалась степь: разноцветные пятна цветов и трав, лёгкими волнами переливался ковыль, махая в воздухе пушистыми метёлочками, деловито жужжали пчёлы и шмели, стремясь собрать побольше нектара, а высоко в небе, купаясь в воздушных потоках, парил коршун, зорко высматривая добычу. Тишина и благодать! Молодой человек даже прикрыл глаза от удовольствия — такой кругом царил необыкновенный мир и покой.

— Хорошо, правда? — раздался совсем рядом голос Михаила.

«Видимо, я задремал, — подумал Иван, — даже не заметил, как Мишка подошёл...»

— Ага, — не открывая глаз, тихо, почти шёпотом, ответил он, сейчас даже говорить громко не хотелось.

— Смотри, суслик из своей норки выбрался, стоит рядом с ней на задних лапах. Они такие потешные, надо к ним прогуляться, пока мы отсюда не уехали, когда ещё их увидим...

Тут Иван открыл глаза, сонный настрой разом пропал. «Городок», как они между собой называли норки сусликов, расположился не очень далеко от кошары, но был он со стороны Михаила, и значит, от Ивана метрах в пятидесяти, с другой стороны кошары.

Иван оглянулся, рядом никого не было, его товарищ по-прежнему сидел у противоположного входа в кошару, внимательно глядя на сусликов, и на Ваню даже не смотрел. Тем не менее, голос его раздавался совсем рядом, как будто тот находился на расстоянии одного шага.

— ...заметили, что я на них смотрю, черти. Гляди, гляди, забегали, из норок своих повылазили, на меня уставились... да не бойтесь вы, не тронем мы вас.

— Миша, — позвал Иван шёпотом.

— Чего тебе? — Михаил оглянулся, и вскочил на ноги. — Я думал, ты рядом стоишь.

— Ага, я тоже думал, что ты подошёл, а я и не заметил, — ответил Иван вполголоса.

Они продолжали разговаривать почти шёпотом, находясь далеко друг от друга, и прекрасно друг друга слыша, как будто между ними расстояние было не больше метра. Кстати, оба учились на химическом факультете, так что в их версиях, почему так происходит, преобладали естественнонаучные объяснения.

— Наверно, акустика в кошаре хорошая, — предположил Миша, — она же вытянутая и узкая.

— Не знаю... Мы ведь уже не первую кошару построили, но раньше я такого не замечал, — усомнился Иван. — Наверно, здесь просто очень тихо, в степи.

— Тут ещё что-то другое...

— А ты заметил ещё кое-что?

— Вроде всё, как обычно, только...

— Вокруг такой покой, я бы даже сказал умиротворение.

— Вот! Это точно слово: «умиротворение»!

И правда, в воздухе разливалось какое-то особое состояние: полное спокойствие и согласие с природой. Иван подобрал верное слово — умиротворение.

Уже потом, через много лет в каком-то журнале он прочитал, что есть на Земле особые места, как сейчас стали их называть, места с хорошей энергетикой. Наверно, в них раньше ставили церкви, храмы, может, даже лечебницы, и часто располагались они на возвышенностях, холмах. Однако Иван с товарищами попал на такое место в середине казахстанской степи. Но там, где они поставили эту кошару, не было холмов, рек, озёр, возвышенности, не было вообще ничего, никаких ориентиров, абсолютно ровная поверхность земли.

Вечером того дня они уехали оттуда, и больше никогда не вернулись на это место. Но то состояние полного покоя, какой-то благодати, разлитой, казалось, в самом воздухе, и, конечно, необычные звуковые эффекты, ребята-студенты запомнили на всю жизнь.

«Грозная» эфа

Люди все разные и, естественно, нам нравятся различные вещи. Боимся мы тоже все по-разному и разных вещей. Однако есть существа, которых боятся, не любят или, по крайней мере, опасается почти каждый из нас. Например, пауки или змеи. Тут человечество объединяется, очень многие боятся змей или, в лучшем случае, относятся к ним настороженно и с недоверием. И для этого у человека имеются веские основания, ведь это опасные, ядовитые, совершенно непохожие на нас существа, они совсем другие. Многие из нас убеждены, что если оказаться рядом с ядовитой змеей, она обязательно нападёт и укусит, и тому существует немало примеров. Но так ли это на самом деле? Всегда ли так случается?

Эта история произошла с Иваном на целине, когда он отправился туда в очередной раз, после третьего курса, в составе стройотряда «Горизонт». Молодые, весёлые, здоровые ребята-студенты поехали в казахстанскую степь строить дома, мостить дороги, возводить кошары для овец, в общем, заниматься тяжёлым физическим трудом, таким непохожим на их учебные будни.

Поселили их в палатках-юртах, как они их между собой называли. Временных домиков тогда не строили, всё равно эти студенты через пару месяцев уедут, дома придётся разбирать, а такую «юрту» сложил и перенёс на другое место, куда нужно.

Палатка — небольшое, лёгкое жилище. Летом она хорошо предохраняет от жары. А лета в степи горячие, жаркие, температура днём поднимается выше тридцати-сорока градусов. Поэтому студенты работали с раннего утра до полудня, потом устраивался обеденный перерыв и отдых до трёх часов дня — всё равно работать на такой жаре, когда солнце стоит в зените, нельзя — и затем ещё несколько часов работы вечером до наступления темноты. Кстати, темнота обрушивается в степи внезапно и быстро, ещё буквально пять минут назад последние солнечные лучи освещали степь, и почти сразу раз — и вокруг крошечная тьма. Так что надо было успевать заканчивать работу до заката и возвращаться в лагерь вовремя, а то ты даже рисковал не сразу найти дорогу обратно.

В палатке всегда было прохладно и темно, плотная ткань хорошо защищала от солнечного света и жары. Надо сказать, что все работники-студенты любили днём поспать, ведь вставали они с восходом солнца и к полудню уже успевали наработать и устать. Поэтому сразу после обеда все студенты-работники расползались по своим «юртам-палаткам» и проваливались в глубокий оздоровительный сон, ждали, пока чуть спадёт жара, и можно будет снова выходить «на улицу».

Вот и Иван после полудня пришёл в свою палатку, наощупь подошёл к спальному месту, поднял тюфячок, на котором спал, перевернул его, автоматически стряхнул, уложил обратно, повалился на него и сразу заснул.

Надо сказать, что в палатке всегда было темно, свет там, конечно, не проводили, а освещали либо фонариком, либо солнечными лучами, когда откидывали полог. Да и зачем там свет, если приходишь туда только спать? Так что, если полог стоял задёрнутым, то внутри царила практически полная темнота. Зато как приятно было войти с раскалённого солнечного света в этот прохладный тёмный мрак!

Блаженный, крепкий сон Ивана продлился примерно часа полтора, и вырвали его из объятий Морфея самым грубым образом. Проснулся он от истошного женского визга, очень громкого и пронзительного, на одной высокой ноте:

— А-а-а-а-а!

Очумелый со сна Иван открыл глаза, повернул голову и увидел в открытом проёме фигуру их поварихи Маши. Она стояла у откинутого полога, не заходя внутрь, указывала рукой на что-то на полу и просто вопила.

Иван автоматически перевёл взгляд вниз, и в свете, падавшем в дверной проём, увидел на полу, почти рядом с собой, огромную змею, свернувшуюся в кольцо. Причём на первый беглый взгляд это была не просто змея, а песчаная эфа, ядовитая и опасная. Надо сказать, что сама эфа не проявляла никакой агрессии, они ни шипела, ни поднимала голову, ни принимала угрожающих поз, просто лежала на полу, свернувшись в кольцо. Маша продолжала визжать, правда, теперь она кричала ещё одно слово:

— Змея! Змея!

Иван понял, что сам стряхнул змею на землю, когда переворачивал и вытряхивал свою фуфайку-тюфяк, на которой спал. Должно быть, змея заползла в их палатку в поисках прохлады, устроилась на его тюфяке и заснула в темноте. Потом Иван случайно сбросил её на пол, а змея в темноте никуда не уползла, а, оставшись на земляном полу, просто продолжила спать. Человек и ядовитая змея проспали практически бок о бок пару часов, никак не потревожив друг друга. Конечно, если бы Иван не стряхнул предварительно свой тюфяк, а сразу повалился бы на него, змея, скорее всего, его укусила бы. Но случилось так, как случилось. Так что даже очень ядовитые змеи не всегда нападают на людей первыми, даже если их чуть потревожить.

К сожалению, на крик поварахи сбежался весь лагерь, змею поймали и убили. Иван до сих пор жалеет об этом, надо было просто дать ей уползти или вынести за пределы лагеря и выпустить. Конечно, тут был риск, что змея всё-таки напала бы на кого-то другого, но может, и нет... Кстати, за всё время работы в казахстанской степи ребята, конечно, много раз видели змей — самых разных, ядовитых и нет — но ни разу ни одного из них змеи не укусили и не напали. Так что надо быть просто осторожным, и стараться не провоцировать тех, кто рядом...

Неожиданный лекарь

Иван Алексеевич — химик, поэтому его всегда отличал материалистический взгляд на окружающую действительность. Он любил говорить: «Я готов поверить всему, чему есть убедительные доказательства». Однако и его материалистические убеждения пошатнулись в ходе недавних событий.

Эта история случилась несколько лет назад в ноябре. Ноябрь на Урале — это уже практически зима. Но тогда снег в начале ноября ещё не успел выпасть, и Иван Алексеевич поехал в сад заканчивать несделанные за осень дела: собрать половики, вылить воду из канистр и бака в бане, чтобы он не треснул, посмотреть, не осталось ли там чего нужного на зиму.

В саду в ноябре угрюмо и тихо — в то время соседи ещё не переселялись за город и не жили здесь зимой — иногда пролетал снег, вокруг никого не было. Чувствовалось ощущение пустоты и небольшого уныния оттого, что садовый сезон закончился, земля отдыхает.

Иван проработал до обеда и подумал, что неплохо бы перекусить. Он разогрел на печке в бане еду и собрался обедать. Общую печку в доме решил не топить, она долго топится и долго остывает.

Неожиданно мужчина почувствовал себя нехорошо — в глазах резко потемнело, голову сдавило, как будто тисками, резко заболели затылок и шея. Пришлось даже выйти из дома на улицу, может быть, на свежем воздухе станет легче. Иван присел на завалинку и закрыл глаза. Однако лучше почему-то не становилось, наоборот, перед глазами поплыли радужные круги, и боль перекинулась на всю голову.

Вдруг рядом раздалось громкое и настойчивое мяуканье. Мужчина посмотрел вниз и увидел большого чёрного, без единого светлого пятнышка, кота. Котик сидел рядом, смотрел на человека снизу вверх и требовательно мяукал. Непонятно, откуда он тут взялся, потому что котик был ухоженный, откормленный, у него явно имелись хозяева, которые его хорошо кормили.

Всё-таки Иван подумал, что кот голодный и пришёл на запах еды. Он собрался подняться в дом и дать животному что-нибудь из съестного. Но кот неожиданно забрался на завалинку, а затем вспрыгнул на отца, и улёгся ему на загривок, свесив лапы по обе стороны шеи. Котик обвился вокруг шеи человека и довольно замурлыкал. Мужчина попытался его снять, но кот только тихо шипел, и слезать не собирался. Тогда Иван решил — пусть сидит, если уж ему так хочется. Зверь сразу успокоился и ещё громче замурлыкал, по-прежнему сидя у него на загривке. Кстати, отца поразило тогда, что котик был горячим, как печка.

Так они и сидели на завалинке какое-то время.

Через несколько минут Иван неожиданно понял, что ему стало значительно легче — перед глазами перестали плавать радужные пятна, ломота в висках прошла, голова перестала болеть и затылок тоже отпустило. Кот, видимо, это тоже почувствовал. Он сразу же спрыгнул на землю, но уходить не торопился — сидел рядом, у ног человека, и внимательно смотрел снизу-вверх. Папа поднялся в дом, вынес на улицу кусочек яичка и угостил котика. Однако кот есть не стал, отказался даже от отварного яйца и кусочка курицы, а ведь это любимая еда кошек. Животное просто сидело на старом месте и внимательно смотрело на человека.

После обеда Иван пошел в теплицу убрать оставшуюся с лета траву, и кот последовал за ним, сел у входа и как будто чего-то ждал. Отец какое-то время пробыл в теплице и вдруг снова почувствовал, что ему опять становится нехорошо. Котик сразу же забежал в теплицу, подбежал к человеку и опять вспрыгнул ему на загривок. Теперь папа тот не пытался его снять — прямо с котом на загривке он вышел из теплицы и присел на скамейку. Кот опять урчал, мурлыкал и был горячим, как печка.

Так прошло несколько минут: мужчина сидел на скамейке, кот висел у него на плечах. Человеку снова стало легче. Кот сразу же прыгнул на землю, сел рядом с отцом и замяукал. Тогда отец решил снова предложить коту еды. На этот раз зверь от угощения не отказался — умял несколько кусочков курицы и попил воды. Потом посмотрел на отца, чуть наклонил голову, благодарно мяукнул и убежал.

Иван до самого вечера пробыл на даче, и больше никаких приступов плохого самочувствия у него не было.

Надо сказать, что у многих соседей по саду есть коты и кошки. Они часто привозят их с собой летом на выходные, оставляют жить на всё лето, и котиков всегда вокруг много. Однако этого черного «кота-лекаря» Иван в саду больше ни разу не встретил.

Бородавка или очень плохое поведение

Первые детские впечатления Наташи, связанные с отцом — это встреча с куклой и гуляние по местным косогорам, сидя на заливке у собственного папучика. Первые детские воспоминания о матери связаны с походом на рынок в новых одинаковых платьях.

В Каслях в середине прошлого века было не так много развлечений. Одно из самых распространённых — это поход на базар, который находился в самом центре городка. Поход туда предполагал не только покупки, это-то само собой, но и обязательно демонстрацию своих лучших нарядов. Отправиться на базар и не одеть самое лучшее платье, считалось плохим тоном, надо непременно одеться с иголочки!

В то лето появилась мода, её заимствовали если и не из Парижа, то из Свердловска точно — шить одинаковые платья для матери и дочери. Александра всегда следила за своей внешностью и постоянно обновляла гардероб у местной портнихи. В этот год на Южном Урале стояло очень жаркое лето, поэтому женщины с удовольствием нашили себе множество различных сарафанов и светлых летних платьев.

У Наташи, которой исполнилось тогда всего три годика, и её матери Александры — абсолютно одинаковые платья, один материал и один фасон. Утром они вырядились в свои платья, и собрались на базар. Платья из модного тогда штапеля, это натуральный шелковистый материал, ощущение от него складывалось, как будто он струится по телу. Общий тон — светло-кремовый, на нём ярко-жёлтые мелкие цветки колокольчиков. По всей материи пущен повторяющийся орнамент — геометрический рисунок золотистого цвета. Платья сшили так, что ярко-тисненый орнамент пустили по краям подола и коротким рукавчикам. Одинаковый наряд молодой красивой женщины и маленькой девчушки только подчеркивал их родство.

Стоял летний солнечный воскресный день, и парочка торжественно направилась в центр городка на местный рынок. Они только что вышли из дома, преодолев небольшой косогорок, и оказалась в проулке.

Любой небольшой городок пронизан целой сетью проулочков. Но в Каслях они особенные — с выступающим скалистым грунтом, по краям ограниченные живучей зеленой травкой, «гусиными лапками», которая обязательно пролезет через любую каменную крошку. Сколько встреч произошло на этих дорожках, сколько душевных разговоров состоялось! А вечерние страхи, когда бежишь с последнего сеанса из кинотеатра и не знаешь, кто тебе может встретиться в этом проулке: бродячая собака, «худой» человек или просто загулявшая душа? Особенно милы сердцу прогулки женской половине человечества, всё-таки это настоящее удовольствие — обменяться новостями именно здесь, или просто «подружить» против кого-то.

Навстречу им шла женщина почтенного возраста, которая сразу же узнала Александру.

— Шурочка! Как я рада вас видеть! Мы с вами уже давненько не встречались, — воскликнула она.

— Здравствуйте, Пелагия Дмитриевна, — приветливо ответила мама Наташи, но внутренне подобралась. Об этой с виду приятной женщины ходила слава отчаянной сплетницы.

«Надо быть очень осторожной, и не дать ей никакого повода для сплетен», — про себя подумала Саша.

— Шурочка, вижу, вы вместе с дочкой куда-то собрались? Вы ведь совсем недалеко отошли от своего дома.

— Да, Пелагия Дмитриевна, мы по делам с Наташей пошли.

— Ой, как она выросла, повзрослела... Сколько же тебе лет, Наташенька?

Девчушка, уже знающая основные правила вежливости, совсем не желала применять их на практике, и в ответ упорно молчала, потупив свой взор в землю. Она тут же осознала, что праздничный поход явно задерживается, и, конечно, по вине этой тети. Пелагия Дмитри-

евна попыталась еще раз навести «дружеские мосты» с ребенком, но безрезультатно. Тогда она решила приняться за мать:

— Слышала, вы уже давно вернулись из Свердловска и снова работаете на заводе.

— Да, наш городок маленький, слухи здесь разносятся быстро.

— Думаю, Шурочка, что лучше всегда спросить у самого человека, чем обсуждать за глаза. Правда, ведь?

Тут возникла небольшая пауза, и Александра начала подумывать о том, что вот сейчас хорошо бы и разойтись в разные стороны. Но Наташа тоже решила воспользоваться возникшим перерывом в разговоре и, наконец-то, заговорила:

— Мамочка, ты только посмотри, какой у тёти странный нос. Он мне почему-то напоминает картошку, — глубокомысленно заметила девочка. При этом она наклонила голову набок и внимательно снизу вверх всматривалась в лицо собеседницы матери.

Взрослые сначала оторопели, но, не сговариваясь, решили проявить чудеса педагогического воспитания — не обращать внимания на вызывающую реплику ребенка, а направить её внимание совсем в другое русло, отвлечь чем-нибудь.

Пелагия Дмитриевна, скрепя сердце, промолчала, сделав вид, что ничего ужасного не прозвучало, а Александра предложила дочери погулять рядом и нарвать цветочков, росших около ближайшей изгороди, за которой росла картошка и тянулась вдоль всего проулка.

Александра пришлось продолжить разговор, ведь она не могла расстаться с собеседницей именно сейчас, когда её дочь начала выискивать недостатки внешности собеседницы.

— Как вы, Пелагия Дмитриевна, оказались в наших краях? Ведь ваш дом, вроде бы, стоит в центре, на Советской, а это в другой стороне.

— Так я на кладбище иду, давно уже не ходила, хочу прибраться на родных могилках, посадить цветы.

— Понятно, конечно. Это мы живём рядом с кладбищем и не воспринимаем его так, как все.

В это время Наташа, быстро выполнив поручение матери, с цветами одуванчиков и васильков в кулачке, оказалась опять рядом и решила напомнить о себе:

— А у нас с тобой носы, мама, совсем другие, не такие, как у тети. Неужели ты сама этого не видишь? Посмотри на неё также внимательно, как я.

— Дочка, пойд и нарви ещё цветочков, тётя отнесет их на кладбище, — Александра решила не акцентировать внимание на безобразном поведении Наташи, а разобраться с ней потом.

Пелагия Дмитриевна, возмущаясь невоспитанными выходками ребенка и отсутствием какой-либо видимой реакции на них со стороны матери, решила направить беседу в другое русло, более интересное для себя.

— Шурочка, неужели вам не хочется вернуться в Свердловск, в это прекрасный большой город? Я совсем недавно ездила туда на юбилей к своей сестре. Там такие магазины! Один универмаг чего стоит. Разве их сравнишь с нашими скобяными каслинскими лавками?

Александра не успела ответить на эту реплику, её теребила за подол нового платья дочь:

— Мама, а ведь нос у тети не просто похож на картошку, на носу у неё очень большая бородавка, её невозможно не заметить, прошу тебя, посмотри.

Соревнование между Пелагией Дмитриевной и девчонкой за внимание матери шло полным ходом. Обе решили не отступать, и продолжали задавать свои животрепещущие вопросы.

— Шурочка, а что слышно про вашего мужа? Вы вроде бы по-прежнему находитесь с ним в официальном браке?

— Мамочка, а из бородавки на носу у тети растёт длинный чёрный волос. Неужели он совсем не мешает тёте?

С последней репликой Наташи, видимо, наступил критический момент встречи, и пришло время беседующим срочно разбежаться в разные стороны. Причём это осознали обе женщины, а невоспитанный ребёнок продолжал гнуть свою линию:

— Интересно, тётя смотрит на себя в зеркало?.. Ведь это делают все люди, даже дедушка Вася, хотя он и мужчина. Им-то смотреться в зеркало совсем не обязательно, разве что в маленькое, и то очень редко.

Александра решила всё-таки урезонить дочь:

— Наташа, прекрати так себя вести, я тебя совсем не узнаю, это ни на что не похоже. Ты нам не даёшь разговаривать, всё время встречаешь, да ещё с такими своими наблюдениями.

— Просто вы с тетей очень долго разговариваете, и мы не попадём туда, куда шли, там всё другие люди купят.

Пелагия Дмитриевна обрадовалась, наконец-то разговор ушел в сторону от её носа, и она решила этим воспользоваться:

— Шурочка, вам действительно надо идти. Сегодня так жарко, девочке может даже напечь голову. Жаль, что мы мало поговорили, но, может, в другой раз получится.

А про себя добавила: «Когда не будет рядом этой ужасной девчонки».

— Да, вы правы, Пелагия Дмитриевна.

— Шурочка, у вас такие нарядные платья. Вам так идет! Даже мне захотелось сшить себе что-нибудь новенькое.

— Наша портниха завалена заказами, так она сама говорит, — Наташа решила оставить последнее слово за собой, ей всегда было, что сказать, но мать в сердцах потянула её за руку и пошла вперёд в сторону базара.

Вечером Александра рассказывала об этой встрече матери, Таисье Кирилловне.

— Мама, я не понимаю, почему Наташа так себя вела. Не ожидала от неё такого, вроде бы это и не похоже на неё.

— Может, она защищала тебя, отвлекая внимания на себя.

— Но это же взрослый разговор. Что она в нём понимает?

— Наташке уже больше трёх лет, она всё понимает, но по-своему, по-детски.

— Сначала я хотела вообще вернуться домой и наказать её. Но потом решила не портить всем настроение и передумала.

— Вот это правильно, нечего всяким старым сплетницам давать повод к разговорам, — одобрительно произнесла Таисья Кирилловна, она всегда была на стороне внучки.

— Теперь она будет всем говорить, что мы растим ужасно невоспитанного и избалованного ребёнка, — вздохнула Александра.

— Да пускай языком чешет, — Таисья махнула рукой.

Красное платье в белый горох¹

Когда Наталья вспоминала детство, первое, что приходило на ум — её самое любимое красное платье в белый горох.

Дом, в котором прошло детство Наташи, стоял на углу. Три окна с всегда накрахмаленными занавесками наблюдали за улицей, а четвертое — кухонное — выходило в проулок. С этой стороны дома в любое время дня и ночи хорошо просматривались белые кладбищенские каменные стены и чугунные ворота знаменитого каслинского литья. Ведь дом находился совсем рядом с кладбищем.

Ни одни проводы в последний путь не могли остаться незамеченными жителями этого дома и соседних домов, которые окнами смотрели на кладбище. Наверно, кому-то это покажется жутковатым — жить совсем рядом с кладбищем, но не обитателям этого уголка Каслей. Они настолько привыкли, что им просто примелькались похоронные процессии.

Пускай для многих фраза «дом рядом с кладбищем» звучит страшновато, но только не для маленькой Наташи. Когда-то её принесли в этот дом совсем маленькой из родильного дома. А тем летом она закончила второй класс, для неё этот дом олицетворял собой самое дорогое место, в котором жили ее любимые бабушка и дедушка, там она проводила все каникулы, приезжая из большого города.

В середине прошлого века городок смотрелся провинциальным и тихим. Тишину нарушал только заводской гудок, призывающий рабочих на смену, который все слушали три раза в сутки — утром, днём и вечером. Иногда в тишине стрекотали мотоциклы, но они не разрушали её, а, казалось, наоборот подчеркивали. Грузовые машины почти не ездили по городку, а на легковушках передвигались только так называемые «шоколадники». Жители так называли приезжих и городских. Сами каслинцы в основном ездили на велосипедах или вообще просто ходили пешком.

И вдруг в этой провинциальной тишине начинал звучать завывающий духовой оркестр с неожиданными пугающими резкими ударами литавр. Музыка слышалась поначалу тихо, издалека, а потом, двигаясь по улицам, постепенно набирала силу, неторопливо приближаясь к кладбищу. Вскоре после музыки появлялась и сама похоронная процессия, которую обязательно сопровождали любопытные со всех окрестных улиц. В начале процессии шли люди и бросали на дорогу цветы, шествие завершала конная повозка, с которой разбрасывали еловые ветки.

У каслинской детворы нынешним летом появилась новая «забава». Список привычной летней вольницы — утренняя и ночная рыбалка, походы за ягодами и грибами в Елань, катание на лодках, купание в озёрах, ловля раков под камнями, гонки на велосипедах с гиканьем и свистом — пополнился посещением поминальных обедов.

— Девчонки, слышите? Музыка играет!

— Мальчишки, давайте наперегонки на велосипедах к кладбищу!

— Чур, мое место с краю не занимать! — только и слышалось среди ребятни.

Вся детвора окрестных улиц научилась вычислять время приближения похоронной процессии с точностью до минут. И Наташа, конечно, тоже это умела. Они с подружками заранее рассаживались на невысоких стенах кладбища, занимая самые «удобные» места, с которых можно было бы без помех наблюдать за происходящим.

Это совершенно не считалось зазорным и неприличным, а наоборот, привычным и захватывающим событием. Детям же всегда хочется интересных событий и разнообразия. Телевизоры только-только стали появляться и «водились» редко где. Поход в кинотеатр — дорогое

¹ Рассказ из книги: Семеновы Ольга и Наталья «Разлучившее наследство», 2023

удовольствие, денег на него у родителей не допросишься. Билет стоил днем двадцать копеек, а вечером — уже все пятьдесят. Пенсия у дедушки на двоих с бабушкой — всего пятьдесят семь рублей.

Наташу дедушка и бабушка любили, баловали, и не отказывались давать ей деньги на кино. Но ходить туда одна девочка не любила — скучно, фильм же надо с кем-то обсуждать. Но подружки говорили Наташе:

— Нам родители и думать запретили о киношках. Они ругаются, ворчат, говорят, что масса денег уходит на всякую ерунду. Лучше принести пользу для дома, и придумывают всякие ненужные дела по хозяйству. Лишь бы не отпускать в кино! — жаловались закадычные подружки.

Вот так и приходилось маленькой Наташе и её друзьям довольствоваться тем, что есть.

Поэтому они заранее занимали места на широких каменных стенах кладбища. Стайка девчонок и мальчишек с большим любопытством наблюдала за похоронами.

Дети уже знали, что все люди когда-то умирают, но не примеряли это на себя. Они даже не задумывались на эту тему, ведь это так далеко и совсем не про них. Это же так интересно и по-детски — ходить своей компанией по кладбищу, рассматривать незнакомые фотографии на памятниках, считать возраст умерших по датам на них, собирать очень крупные и сладкие ягоды малины и земляники, которые выросли на могилах. Всё казалось просто игрой, дети даже соревновались между собой, кто первый найдет памятник с фотографией ребёнка своего возраста. Дети, в отличие от взрослых, воспринимали жизнь такой, какая она есть, и не отгоняли от себя мысли о смерти.

Сидя на невысоких и широких каменных стенах кладбища, Наташа и её подружки очень оживлённо обсуждали массу вещей.

— Как было бы здорово, если бы сегодня опять пригласили детей на поминки!

— Конечно, пригласят. Обязательно пригласят. Они же всегда нас зовут.

— Точно. Помните, они часто говорят, что лучше всего, когда поминает ребёнок.

— Интересно, а чем сегодня будут угощать? Я хочу дутых оладий, с мёдом, — облизнулась самая маленькая девочка.

— Да тебе бы только поесть, — осуждающе сказал мальчик постарше.

Мальчишки вели более содержательные разговоры, их интересовали страшные истории, они любили пугать ими девчонок, сами при этом делая вид, что им-то совсем не страшно. Они пересказывали друг другу истории, подслушанные у взрослых, и дополняли их своими, только что выдуманными подробностями. Самыми интересными казались рассказы о летаргическом сне, никто толком не знал, что это такое, но все рассуждали о нём со знанием дела.

— Представляете, человека даже могут похоронить живым, если он засыпает летаргическим сном.

— Ага, все думают, что человек умер, и его на самом деле хоронят.

— Неужели нельзя отличить мёртвого человека от живого? — удивилась одна из подружек Наташи.

— Конечно, можно. Живой-то дышит, — поддержала её Наташа.

— А кто засыпает таким сном, ле-тар-ги-чес-ким, то у него сильно замедляется дыхание, и непонятно, живой он или нет, — подробно объяснил рядом сидящий мальчишка постарше.

— Да ерунда это всё. Летаргический сон ваш... Такого не бывает.

— Нет, не ерунда. А ты знаешь, что иногда, когда родственники открывают старые гробы, то там находят скелеты, которые лежат на боку или на животе. Это значит, что человек там ворочался, — продолжал пугать девчонок самый знающий среди мальчишек.

— Хватит нас пугать. Всё это неправда.

— Неправда? А вам слабо ночью по кладбищу пройти? — начинали они подначивать друг друга.

— Да мы давно вас с собой зовём, а вы не идёте.

Но смельчаков среди компании не нашлось и в этот раз. Тем более что как раз сейчас оркестр подошёл к кладбищу и замолчал. Значит, процессия остановилась у ворот. Бурный обмен мнениями сразу прекратился, и все просто сидели и наблюдали за происходящим.

Если хоронили кого-то с соседних улиц, Наташа с подругами всегда оказывалась на поминках. На поминальные обеды все ходили в своих самых нарядных и красивых одеждах. Одевали всё самое лучшее. Некоторые родители даже специально шили для своих дочерей наряд для поминок — длинное платье. Материал всегда выбирали яркий, цветной, ни в коем случае ни темный и ни чёрный. В чёрном появлялись только ближайшие родственники покойного.

Конечно, эта «мода» не могла пройти и мимо Натальи. Проблема состояла в том, что девочка не носила такие платья. Она приезжала из города на летние каникулы, а в городе в это время девочки носили только короткие платьица. Но в посёлках и в деревнях девочки любили носить платья подлиннее, обязательно, чтобы подол опускался как можно ниже колена. А уж платье для поминок, конечно, должно было быть длинным. К тому же бабушка часто говорила:

— Ты уже большая девочка! Надо тебе сшить платье как у взрослых людей.

— Я хочу платье ярко-красного цвета в белый горох! — ответила ей внучка. — И чтобы оно было почти до пола.

Материал для платья решили покупать в лучшем магазине у рынка. Бабушка с внучкой отправились из дома по холодку с утра — то лето стояло изнуряюще жарким. Наташа с подружками всегда любила заглянуть в магазин тканей, чтобы просто поглазеть и примерить на себя в уме будущую обновку. Но в этот раз всё происходило по-настоящему.

Магазин находился в старинном купеческом каменном пристрое, у самого входа на рынок. В помещении магазина ощущалась прохлада, и всюду витал волнующий запах новых тканей. Штабеля свёрнутых материй высились на широком прилавке, часть тканей струилась от потолка к полу. Чего только здесь ни бросалось в глаза! Дорогой китайский шёлк, лёгкий, почти невесомый крепдешин, разноцветный сатин, мягкая уютная фланель, плотный ситец и яркий штапель.

— Наташенька, внученька, у меня просто глаза разбегаются!

— А я уже давно себе всё выбрала, — решительно заявила внучка.

— Когда это ты успела?

— А мы сюда часто с подружками забегаем. Здесь так необычно...

— И что ты выбрала?

— Пойдём, я тебе покажу.

Девочка подвела бабушку к самому высокому стеллажу, стоящему в углу, и указала пальцем на свёрнутый кокон ткани. Это был штапель ярко красного цвета в белый горох.

— Да, ты умеешь выбирать. Может, что-то ещё посмотрим?

— Нет, — упёрлась внучка. — Мне нужно платье только из этой ткани!

Продавщица помогла прикинуть, сколько нужно материи на длинное платье до пола с коротким рукавчиком — на рукавчике настояла бабушка. Теперь дело стояло за портнихой.

Бабушка предложила по пути домой с рынка сразу же зайти к портнихе, чтобы не откладывать такое важное дело в долгий ящик. В городке, конечно, работало пошивочное ателье, но все предпочитали шить обновки у местных умелиц. Такие проживали почти на каждой улице. Работали они со знанием дела, но брали за пошив значительно дешевле. Бабушка Наташи тоже имела такую знакомую, правда, себе она уже давненько ничего не заказывала, но сохранила с ней добрые отношения. Вот сейчас это знакомство и пригодилось для любимой внучки.

Посетительницам повезло — портниха находилась дома и оказалась свободной.

— Извините, мы «как снег на голову», — улыбнулась и «с места в карьер начала бабушка». — Но у нас срочный заказ, я понадеялась на наше с вами старое доброе знакомство.

— Конечно, проходите, я вас помню, — пригласила их в дом портниха. — Показывайте вашу ткань.

— Нам хочется обсудить фасон платья для моей внучки и договориться о первой примерке, как можно скорее, ведь лето скоро закончится. А моей Наточке так хочется поносить обновку.

— Давай, рассказывай, что ты хочешь? — весело спросила портниха девочку.

Наташа внимательно посмотрела на женщину. Первое, что бросилось ей в глаза — портновский метр, который свисал с шеи портнихи.

«Да, она мне нравится, она сошьёт мне хорошее платье», — подумала она.

Женщина внимательно выслушала пожелания девчушки, быстро набросала фасон платья в двух проекциях, обмерила её стройную фигурку, все записала, как положено, установленными цифрами, и назначила первую примерку.

— Видишь, какие мы с тобой молодцы, — приговаривала бабушка, направляясь вверх по улице к своему дому.

— Дедушка, наверно, нас потерял.

— Ничего, оправдаемся, — успокоила бабушка внучку.

Платье шилось по всем правилам портновского искусства. Состоялось две примерки, на которые Наташа уже бегала самостоятельно. А вот забирать обновку она отправилась вместе с бабушкой.

Демонстрация платья состоялась в маленькой боковой комнатке портнихи перед большим зеркалом, в котором Наташа видела себя в полный рост. Платье вышло чудесное: мягкий штапель ярко-красного цвета, на этом фоне белый горох, широкий пояс, который завязывался бантом, глубокие складки подола и, как хотела Наташа, платье было почти до пола. Волшебное платье!

К сожалению, платье пришлось снять, завернуть его в платок и осторожно донести до дома. Девочка очень гордилась своим новым платьем, и с огромным нетерпением поджидала случай, чтобы его всем показать.

Городок Касли, в котором проводила лето девочка, со всех сторон окружен озерами. Это настоящий озёрный край. У многих жителей городка на берегу находилась своя лодка, и ребятя летом часами не вылезала из воды — они купались, ловили рыбу, ныряли с лодок, просто загорали.

Конечно, на воде частенько происходили несчастные случаи. И в это лето случилась очередная трагедия. Местный мальчишка, который проживал на соседней с Наташей улице, утонул.

Все окрестные улицы провожали в последний путь этого несчастного мальчика и сочувствовали бедным родителям. На поминки пришло очень много людей. Наташа со своими подружками тоже оказались за большим поминальным столом. Вот и представился случай ей одеть своё новое, недавно сшитое, платье.

Столы вынесли во двор, вокруг поставили лавки, табуреты, которые принесли соседи. Все, как обычно, принарядились и явились в своих лучших нарядах. Но красное платье Наташи выделялось из всех. Наташе казалось, что все любят её новым роскошным платьем. За столом она почти ничего не ела, только оглядывалась и боялась, как бы не запачкать обновку.

Поминали по-уральски: пироги с рыбой, картошкой, капустой, грибами и ягодами, шаньги с творогом, картошкой и сметаной, пышными дутыми оладьями с мёдом, каравайчиками, киселём и компотом. К детям несколько раз подходили родители погибшего мальчика и специально угощали их, приговаривая:

— Кушайте, поминайте, берите с собой. Помните нашего несчастного сыночка.

Ребятня уплетала все за обе щеки.

— Спасибо, что вы пришли, — обращались к Наташе и её подружкам родственники мальчика. — Детский помин самый ценный.

Наталья даже не запомнила имени этого мальчика — ей запомнилось только платье и угощение.

Обед длился долго, и домой девочка вернулась уже в сумерках.

Дома её ждал сюрприз. Из города приехали родители с младшим братом. Ждали их только через неделю, но отцу удалось вырваться в отпуск раньше.

При виде дочери в несуразно длинном и ярком платье, родителей взяла оторопь. К тому же Наташа не только с удовольствием демонстрировала свою обновку, но и взахлеб описывала своё сегодняшнее участие на поминках в новом платье.

— И часто ты ходишь по поминкам? — как-то слишком спокойно спросила её мама.

— Мамочка, я хожу туда каждый раз и стараюсь, чтобы меня пригласили, — с гордостью и бесхитростно ответила дочка.

— Откуда у тебя такое платье? — продолжала допрос мать.

— Мы с бабушкой выбрали материал и сшили его у портнихи. Специально для поминок.

— И что, ты всегда на поминки в этом платье ходишь? — подал голос отец.

— Нет, сегодня я его одела первый раз. Вам нравится? Мне — очень. Оно такое красивое.

— Так, значит, в первый и в последний раз, — заключила рассерженная мать.

Бабушка в спор не вмешивалась, тихонечко ушла в огород и занялась там своими делами.

— Почему в последний? — спросила Наташа.

— Мы об этом с тобой завтра поговорим, дочка. А пока снимай это платье, одевай обычную одежду. И рассказывай, чем ты тут ещё занималась, — сказал папа.

Девочка сняла платье, аккуратно его сложила и повесила на стул в горнице.

Больше она своего любимого платья никогда не видела. Мама, по тихому, убрала платье в самый дальний сундук и больше никогда его оттуда не доставала. Походы по поминкам прекратились, девочку стали снова одевать в короткие городские платьица и вплели в чёрные косы два больших белых банта. Наташа опять превратилась в обычную городскую девочку.

Через несколько дней семья вернулась в город. Хотя в тот раз Наташа одела своё любимое платье в первый и последний раз, всегда, когда в её жизни появлялась обновка, она вспоминала то лето и своё красное платье в белый горох.

За травами

В этом году на Урале ранняя зима. Снег основательно лёг уже 13 октября, под Покров. Все только и говорят про погоду — совсем не было лета. А так хочется солнышка и тепла!

Пробираюсь в поликлинику по первому снегу и вижу большую надпись несмываемой краской на дверях-жалюзи магазина на первом этаже жилого дома:

— Дети, не слушайтесь взрослых, они всю планету загадили! (Последнее словечко было более крепким).

«А ведь в этом протесте что-то есть», — подумалось мне.

Действительно, люди очень сильно «напрягают» живую природу своей деятельностью, энергией, даже настроением. И вдруг вспомнился мне один прекрасный летний день из детства.

Я закончила первый класс и, как всегда, оказалась у бабки с дедкой на каникулах. Дед — печник, выполнял очередной заказ на печку-голландку, а мы с бабушкой — вольные птицы.

Приближается мой день рождения, стоит макушка лета. Бабушка моя по жизни травница, у неё всегда в амбаре висит запас сушеных трав. Чего там только не было: череда, зверобой, полынь, подорожник, душица, мята, малина, смородина, черемша, земляника. Ходить в лес за травами — для неё обычное дело.

— Внучка, завтра с утречка пораньше пойдем в Елань.

Все каслинцы поход в лес всегда делили на поход в горы, в Урал и на поход в Елань. Поход в Уральские горы заранее предполагал опасности: дальний и долгий путь, встреча с незнакомыми людьми, и, конечно, змеи. Прогулка с Елань сулила неспешный путь в поля, за околицу, встречу с соседями, сбор ягод и трав, букеты полевых цветов, множество приятных неожиданностей.

Поход за травами — это для бабушки дело привычное, а для Наташи — настоящее путешествие. Сговаривались они уже с вечера.

— Ложись пораньше, внучка, надо хорошо выспаться. Встанем с солнышком, чтобы идти не по жаре.

Надо сказать, что Касли всего на сто километров южнее Екатеринбурга, тогда Свердловска, но климат там намного мягче. Если лето — так настоящее! Вот в один из таких прекрасных летних дней на Южном Урале они и наметили поход за травами.

Наташу, конечно, интересовало все: что она оденет на себя, когда точно придется выходить из дома, какая будет погода, и что надо взять с собой. Бабушка была настроена по-деловому. Интересно, сколько ей тогда было лет? Наташе около восьми, значит, это шёл 1958 год. Прожила бабушка около 80 лет и ушла в 1980 году. Значит, тогда ей исполнилось 58 лет. Возраст приличный, хотя сейчас ещё даже на пенсию не выйдешь. Она собиралась в дорогу без суеты, шла ходко, в дороге не уставала, останавливаясь в пути только при виде интересующих ее трав.

Вышли они поутру, стояла утренняя приятная прохлада. Обувь надели самую удобную, на головы повязали белые платочки, в руках — по корзиночке, в которые положили немного провизии и бутылка молока из погреба.

— Пока идём, молоко и согреется.

— Я молоко не хочу, и пить не буду. Я его не люблю! — тут же заявила Наташа.

— В дороге пригодится.

Ворота от дома на ключ, ключ — в потайное место, и вперёд. Повернули налево, за угол дома, затем прямо по проулку вдоль знакомых домов, и прямёхонько из городка в поля. Пересекли несколько улиц, встретили одного прохожего, а потом уже топали по хорошо утрамбованной просёлочной дороге. Сначала надо было дойти до «воротичек», так в Каслях называли

когда-то давно используемый колодец с ключевой водой. Колодец со временем засорился, а название осталось.

Шли ходко, «воротички» быстро остались позади, затем минули небольшое болотце, окаймлённое ярко-оранжевыми купавками, и перед ними открылись поля Елани. Это место славилось цветами и травами.

Яркий солнечный день быстро вступал в свои права. Перед путешественницами открылось маленькое чудо природа — нескошенный луг. Шмели, стрекозы, пчелы, бабочки изо всех сил трудились надо ковром трав и цветов. Бабушка начала собирать травы, показывая внучке каждую новую травку. Черда — для заваривания и для ванн от «золотухи» (аллергии), зверобой — вместо городского чая, мята — для запаривания в бане, ромашка — для сушки впрок.

— Внучка, смотри, впереди березовая рощица. На обратном пути веников наломаем и повяжем.

— А я хочу ягодами полакомиться.

— Ягодника там всегда много, будет лесная клубника и земляника.

— Пообещай мне, что испечёшь мне мои любимые ягодные пирожки из клубники, и обязательно с травинками внутри.

Хозяйки любили стряпать «дружные ребята» с ягодами душистой лесной клубники, особый вкус этим пирожкам придавали остатки ягодных плодоножек, которые никто не убирал.

Бабушка собирала разные травы, складывала их в пучки, а Наташа любовалась полевыми цветами: купавки по краям небольшого озера, фиолетовые колокольчики и васильки, нежная и пахучая медуница, мелкая и крупная ромашка, фиолетовые «башмачки», ярко-красные колючки татарника, разноцветные «часики». Время бежало быстро.

— Давай, присядем, девонька, пора и перекусить.

— Ага, я уже давно проголодалась. Правда хочется не только есть, но и пить.

— Потому что жарко, хорошо, что запаслись белыми платками.

Бабушка достала из корзинки белую домотканую салфетку, завязанную узелками. В ней она припасла много деревенских вкуснятин: полдюжины сваренных вкрутую яиц, малосольные огурчики, отварная картошка с крупной солью, завернутую в отдельную тряпочку, белый испечённый калач. Они сидели на тёплой лужайке, нагретого пригорка в теничке невысоких берёз. Вокруг зудело, жужжало, шелестело, даже попискивало. Травницы блаженствовали.

После перекуса они наломали и связали несколько веников, прошли по перелескам и набрали ягод, «план» по травам они тоже выполнили. По лесочкам бродили не спеша, отдыхая от солнца, и подумывали о возвращении домой.

Обратный путь почему-то всегда короче. Солнышко перешло через зенит и сильно припекало, провизию почти подъели, но с собой они несли травы, ягоды, веники. Наташа захотела собрать букет полевых цветов, бабушка попыталась отговорить её от этой затеи — лишняя поклажа, но бесполезно. Букет внучка собрала огромный — все, что попадалось под руку.

Домой они вернулись к полднику. Наташа клевала носом, и её уложили поспать до ужина, а бабушка занялась хозяйством.

Вечером было много рассказов деду, он слушал очень внимательно, подкручивал кончики своих «чапаевских» усов и улыбался глазами.

Крокодил или доклад с демонстрацией²

На уроках природоведения в четвёртом классе бросили клич и предложили всем желающим участвовать в школьной конференции на тему «Страны мира». Предлагалось приготовить доклад о любой стране, желательно с элементами игры.

Наташу, как нормального ребёнка, который уже четвёртый год «тянул лямку» послушной ученицы советской школы, как раз и пугали эти самые объявленные какие-то непонятные «игровые элементы». А вот когда её отец услышал про игру, то его это почему-то ввергло в радостное возбуждение, и он тут же загорелся этой идеей.

— Наташа, участником игры, вернее, её игровым элементом у нас будет... — он эффектно замолчал и торжественно объявил: — кро-ко-дил!

— Настоящий? — округлила глаза от удивления дочь.

Она не знала, как реагировать, но её душа затрепетала.

— К сожалению, нет. Но чучело будет настоящего крокодила, это я тебе, дочка, обещаю.

— А где ты его возьмешь? У нас они же не водятся, разве что в зоопарке.

— У меня есть очень хороший приятель, так вот у него есть чучело крокодила.

— И он его тебе даст? Не пожалеет? Сомневаюсь... я бы не дала.

— Вот именно тогда ты и поймешь, на что способна настоящая мужская дружба. Считаю, что чучело уже наше! На время, конечно, даст, сама понимаешь...

— Так мне про Африку придётся писать?

— Это мы ещё подумаем. А привез он это чучело, между прочим, из Индии.

Если по-честному, то Наташе для начала хотелось просто «пятёрку» за год по природоведению, а такая ей была бы обеспечена, если она прочтёт доклад на конференции. Однако представившаяся возможность принести в школу если не живого аллигатора, то хотя бы его чучело и поразить своих одноклассников, конечно, тоже вдохновляла. От сценария привести в изумление всю школу Наташа тоже бы не отказалась.

После заявки в школе Наташа с отцом начали писать доклад, но почему-то не про путешествия по Индии, а о Турции. Вообще девочке было всё равно, по какой стране путешествовать: она ничего не знала ни про ту, ни про другую. Главным препятствием, как это ни странно, оказался именно крокодил. Тут же возник очень серьёзный вопрос — водятся ли в Турции крокодилы? Всю ответственность по этому вопросу, конечно, возложили на отца. В результате мучительных раздумий отец и дочь договорились до очень важного утверждения — в Турции, как и в Индии, должны встречаться крокодилы, только значительно реже.

Доклад к радости отца и большому огорчению дочери получился очень длинным. Наташе особенно трудно давался фрагмент про первого президента Турции — Ататюрка. Девочка, конечно, никогда про него раньше не слышала. Кроме того, Ататюрк и крокодил никак между собой не ассоциировались, но отец всё же настоял на обстоятельном рассказе и докладе именно об этом человеке. Дочери пришлось смириться, так как на кону стоял крокодил, вернее, его чучело, и «пятёрка» за год по природоведению.

Порядок составления доклада определился быстро: читали вместе «Детскую энциклопедию», журналы и книги, принесённые отцом из библиотеки. Затем он сразу же начинал диктовать, а Наташа своим не очень каллиграфическим почерком записывала целые предложения. Навыки уроков чистописания к четвёртому классу почему-то улетучились, получалось коряво и не очень понятно для самого докладчика.

В результате многократных вечерних бдений в уютном подвальчике отец с дочерью составили многостраничный пространный доклад о путешествии по Турции. Наташа оказа-

² Рассказ из книги: Семеновы Ольга и Наталья «Пестеревский, 3. Школьные годы». 2024

лась участницей научно-исследовательской экспедиции по одной из стран мира. Это соответствовало объявленной теме школьной конференции. Переписанный начисто доклад Наташа принесла в школу и показала учительнице, при этом она с гордостью подтвердила будущую демонстрацию чучела аллигатора на школьном мероприятии. Чучело, скорее всего, и оказалось решающим фактором включения четвероклассницы в официальный список участников конференции.

Будущего докладчика распирала настоящая гордость и явно мешала готовиться к выступлению. Да ещё и отец, как опытный докладчик, бесконечно давал «ценные» советы.

— Дочка, ты должна понимать, что выступать на большую аудиторию — непростое дело, поэтому я хочу настроить тебя на длительную подготовительную работу.

— Так мы вроде бы с тобой и так уже основное сделали, доклад написан.

— У вас где будет мероприятие?

— Говорили, что в актовом зале.

— Заметь, не в вашем классе, — принялся убеждать отец, — а в большом зале. И ещё есть вопрос, который нужно осветить.

— Что-то слишком много важных вопросов, папа.

— Откуда ты будешь читать доклад? Где стоит кафедра, на сцене?

Наташа вдруг представила себя один на один с заполненным актовым залом. Причём сидят там не взрослые дисциплинированные родители, которые готовы ради своего любимого ребенка выслушать любой доклад, а сидит «свой брат» — ученик. У Наташи тут же возникли серьёзные опасения, стоило ли из-за какой-то «пятерки» по природоведению вообще ввязываться в эту историю с докладом. Отец незаметно наблюдал за дочерью.

— Вот видишь, Наташа, и у тебя появились серьёзные опасения. Мой тебе совет — учи доклад наизусть!

— Наизусть? — удивление и возмущение прозвучало очень искренне. — Боюсь, что это невозможно.

— Почему нет? По крайней мере, ты должна знать свой доклад очень близко к тексту.

— Так этот доклад больше пятнадцати страниц!

— Ты же учишь в школе задания?

— Мы учим стихи, и тексты маленькими кусочками...

— Значит, придётся постараться, — отец не отступал.

Наташа побежала за подмогой к маме. Та, не раздумывая, тут же приняла сторону мужа. Она вспомнила, что сама смогла закончить только школу, семь классов — помешала война, мама при этом даже всхлипнула и сказала:

— Я мечтаю, чтобы ты получила высшее образование и за себя, и за меня.

Тут «масла в огонь» подлил и Серёжка, ему этой осенью предстояло пойти в первый класс:

— Когда я буду учиться в школе, то мне папа диктовать доклад не будет, я его сам напишу, вот увидите.

Всё было против Наташи. Хочешь, не хочешь, всё шло к тому, чтобы учить эту писанину, которая появилась в виде страниц доклада, к сожалению, под диктовку отца.

С тех пор прошло много лет, а из текста доклада Наташа запомнила только товарища Ататюрка, первого светского президента Турции. Слово «президент» для неё тогда, в четвёртом классе, вообще мало что значило. Она, правда, без особого желания, пыталась понять смысл этого слова, выслушивая многословные комментарии отца, как много Ататюрк сделал для своей страны.

Наконец-то наступил день объявленной конференции. Проходила она в актовом зале школы, туда запустили учеников всех четвёртых классов. «4Б» чувствовал себя на их фоне

именинником, ведь далеко не каждый класс мог предъявить на конференцию чучело настоящего крокодила, как вещественное доказательство путешествия.

Советская публика в середине XX века ещё пребывала в счастливом неведении о существовании хоть какой-то маломальской рекламы. Правда, её ядовитые ростки уже начали зарождаться и пробиваться в повседневную жизнь окружающей действительности. Наташа и её одноклассники все уши прожужжали всем о доказательстве путешествия по Турции.

— Не верите?! Приходите! Сами убедитесь и обалдеете!

Присутствующие в актовом зале мальчишки и девчонки находились в состоянии радостного возбуждения, но по разным причинам. Из расписания вдруг «провалились в тартарары» сразу целых два урока — третий и четвёртый. Есть разница — сидеть на уроке под пристальным гипнотическим взглядом учителя, или вольготно расположиться в актовом зале почти без присмотра. Сами понимаете, что в общей суматохе можно вообще забыть про домашние задания, по крайней мере, так это все они преподнесли своим родителям. Наконец, сегодня тебя точно не спросят и не вызовут к доске. Да мало ли каких неприятных моментов школьной жизни сегодня удалось избежать многим хорошим людям. Школьное содружество параллели четвёртых классов сегодня ликовало, но за редким исключением — докладчиков. Конечно, Наташа входила в это число, и уже не так сильно радовалась этому.

Зал гудел и жаждал зрелищ, но пока они не наступили, он жил своей жизнью. Девчонки тихонько шушукались между собой, рассевшись стайками, с учётом личных симпатий. Мальчишки слегка задирала девчоночьи группировки и просто открыто радовались жизни. При этом все не забывали выступать друг перед другом.

Пока хуже всех чувствовали себя докладчики, они завидовали окружающему веселящемуся обществу, им хотелось вцепиться в свой доклад и не расставаться с ним до окончания конференции. Всё, что они старательно учили дома, почему-то сразу вылетело у них из головы.

Трибуну для выступающих установили, на счастье докладчиков, не на сцене, а внизу перед ней. В результате они оказались совсем близко от первого ряда, и до своего выступления они как раз и заняли там все места. Не смотря на общий гул, доносились отдельные громкие комментарии ожидающих зрелище.

— Скорей бы начинали, а то не уложимся в четыре урока!

— Да, хотелось бы освободиться сегодня пораньше, ведь не часто такое бывает.

— А где крокодил? Почему я его не вижу?

— Хоть бы один раз его показали.

— Боюсь, покажут только издалека, а хочется потрогать его лично.

Наташа ждала своего выхода и очень завидовала тем, кто выступал до неё. В самый последний момент её доклад передвинули почти в конец, видимо, решив завершить мероприятие эффектной сценой появления «аллигатора». Выступающие, конечно, тоже волновались, все без исключения, и это нельзя было не заметить: дрожали голоса, ни на секунду не выпускались из рук листы с текстом, все путались в длинных предложениях докладов. Самой неприятной частью выступления оказались вопросы из зала, их могли задавать и не обязательно по тексту доклада, а совсем из другой области. Например, для того чтобы понравиться своей соседке, или просто на спор. Докладчики на вопросы отвечали сбивчиво и не всегда вразумительно. Конечно, наблюдать и критиковать со стороны всегда легче, а вот как выйдет у самого — вопрос открытый.

Наташа завидовала каждому из «отстрелявшихся» за трибуной, но, наконец, наступил и её черед. Она начала так, как учил отец: спокойно, не торопясь, иногда специально замедляя темп речи. Как хорошо, что он всё-таки заставил её выучить хотя бы отдельные куски текста. Конечно, тогда она, как могла, противилась этому, но оказалось, что совершенно зря. Советы отца помогали ей худо-бедно продираться через написанный текст. Но дела пошли значительно

хуже, когда начались вопросы из зала. Её спрашивали про одно, а она почему-то отвечала совсем про другое. Наташа постоянно сбивалась и возвращалась к написанному тексту. Но самое главное испытание маячило впереди — крокодил.

Выступать первой Наташу не вызвали, докладывавшей последней оказалось тоже не очень хорошо. Мальчишки и девчонки уже устали, наслушались про разные страны, обычаи, насмотрелись на своих одноклассников и навystупались друг перед другом, их душа жаждала необычного и неизведанного, для начала хотя бы превратиться из пассивного слушателя в участника событий, может быть, даже активного. Для этого все присутствующие в актовом зале ждали какого-то знака, возможно, совсем незначительного, в общем, такого «взмаха волшебной палочки».

Аудитория начала ёрзать на месте, потихоньку перешёптываться, поворачиваться к сидящим сзади, переговариваться с впереди сидящими. Все обсуждали, конечно, чучело крокодила, которое всё время, пока выступала Наташа, уютно расположилось на самом высоком месте трибуны, немного повернувшись мордой к залу и хвостом к сцене.

Чучело смотрелось внушительно: более метра в длину и сантиметров тридцать в ширину. Цвет бывшего крокодила варьировал от зеленоватого до тёмно-зелёного, местами с коричневыми проталинами. Панцирь представителя фауны смотрелся шершавым и ячеистым, у многих тут же загоралось желание потрогать его и пересчитать эти самые ячейки. В общем, чучело впечатляло. Рассмотреть очень внимательно, причём вблизи, погладить его по голове, ткнуть в хитрый глаз своим указательным пальцем, засунуть руку ему в пасть, обязательно дёрнуть за хвост — самое малое, что хотелось сделать каждому, кто присутствовал в актовом зале. Исключительно для того, чтобы успокоиться. Вот тогда бы личная встреча с аллигатором по-настоящему состоялась. Причём в их число входила и взрослая часть публики.

Самые нетерпеливые, в основном, мальчишки уже откровенно высказывались вслух под бубнёж докладчика:

— Интересно, глаза у этого чудища искусственные стеклянные или настоящие?

— Похоже, всё-таки искусственные. Хотя смотрятся вполне натурально, даже с прищуром.

— А морда, смотри, какая зубастая!

— Да, такому палец в рот не клади, мигом цапнет.

— Откусит!

— А меня лично привлекает хвост. Смотри, как он плавно идёт от туловища, почти перетекает...

— Вот бы дернуть за него!

— Ага, и если он настоящий, то и в школу не надо будет ходить.

— А вот интересно, хвосты у крокодилов отрастают, как у ящериц, если его оторвать?

Последний вопрос прозвучал в неожиданной тишине, и его услышали все, даже те, кто сидел далеко.

Девчонки не делились впечатлениями, в отличие от мальчишек, а просто заворуженно рассматривали чучело. Они только обсуждали возможность отправиться в зоопарк, чтобы посмотреть на живого крокодила через толстое стекло.

Тихий бубнёж докладчика на фоне такого натурального образчика фауны стал окончательно невыносимым для достаточно кровожадно настроенной публики. Послышались подстрекательные голоса Валерки Фадына и Володьки Гуревича.

— Хорошо бы подобраться к нему ещё ближе.

— Задним рядам плохо видно, — беспокоился о присутствующих Владимир, хотя сам очень удобно устроился в третьем ряду на правах ученика «4Б» класса, который посадили совсем рядом со сценой. Ведь это их докладчик припёр такой экспонат.

— Точно, надо его по рядам пустить, — поддержала Володю аудитория.

Зал явно выражал намерения действовать.

Конференция, между тем, катилась к завершению. Все устали, зал гудел, волновался и шушукался, его терпение заканчивалось. Вся честная аудитория была готова выплеснуть наружу скопившуюся за два часа энергию вынужденного бездействия. Прозвучало краткое заключительное слово организаторов мероприятия, и всем предложили расходиться.

Наташа слегка замешкалась, облегчённо собирая листы доклада с трибуны. В это время к ней подбежало несколько человек из первых рядов, они и оказались основными претендентами на более близкое знакомство с аллигатором. Поскольку чучело было достаточно большим в длину, за него смогло ухватиться сразу несколько человек. Они начали вырывать друг у друга «содокладчика» Наташи.

В результате действий прорвавшихся к трибуне учеников у крокодила почему-то отпал хвост, и одно чучело в одну секунду превратилось в целых два. А что вы хотите от четвероклассников? Они и не собирались скрывать своих планов и намерений. Никто не успел заметить, как это произошло, и кто конкретно это сделал. Даже сама Наташа, находясь в непосредственной близости, не смогла бы с уверенностью назвать того или тех, кто совершил это злодеяние — оторвал крокодилу хвост.

Под подозрением находилось сразу несколько «архаровцев» «4Б» класса: Вовка Гуревич, Валерка Фадин, может быть, ещё кто-то, и мальчишки из других классов. Конечно, этот список любителей фауны при желании можно продолжить, но Наташе было не до того. Она изо всех сил держалась, чтобы не заплакать, и это ей давалось с большим трудом. Девочка только на минутку представила, как она возвращается домой не с красавцем-крокодилом, а с его длинным оторванным хвостом.

Перед глазами тут же возникли родители. Мама, оторвавшаяся от домашних хлопот, и сразу же заметившая отломанный хвост в руках дочери. И это совсем не то чучело, которое любезно было предоставлено для демонстрации, и которое нужно вернуть обратно в том виде, в каком тебе его вручили.

«Я с самого начала была против этой затеи», — читалось на пунцовом лице мамы.

Когда Наташа вспомнила об отце, ей стало ещё более горько. Сколько сил он затратил на этот доклад! Неужели все родители так помогали своим детям? А ведь возвращать это проклятое чучело придётся именно ему! Вот тут-то Наташу пробрало по-настоящему. Она громко всхлипнула и в голос зарыдала, размазывая слезы по лицу, ей стало совсем безразлично, что подумают о ней одноклассники. Им-то что будет? Подумаешь, оторвали хвост у какого-то чучела! Им не придётся тащиться домой, «поджав хвост», в руках с настоящим оторванным — у крокодила.

Как только Наташа взвыла, вокруг неё тотчас образовалась «торричеллиева пустота». От трибуны с останками крокодила мгновенно отступили мальчишки, никому не захотелось быть причастным к надругательству над «чудом природы». Правда, при этом ещё раздавались кое-какие комментарии:

— Я до него даже не успел дотронуться...

— Так он, оказывается, внутри почти пустой!

— Это на него кто-то мощно навалился.

Все сразу же посмотрели на плотного Гуревича, но промолчали. Зачем подводить товарища?

— Лучше бы всё-таки его передали по рядам, как предлагали. Целее бы остался.

Наташа мужественно взяла под мышку части чучела, вытерла слезы и отправилась домой.

Туда она еле-еле плелась. По пути ей попадались школьники, учившиеся во вторую смену. Она завидовала каждому, ведь у них-то, в отличие от неё, всё благополучно. С ними никогда не происходят ужасные истории, они не вляпываются в дурацкие ситуации на посмешище всей школы.

На улице бушевала весна. Двери и окна подвальчика стояли приоткрытыми, из дома доносился запах свежее испеченного апельсинового кекса. Мама совсем недавно освоила чудопечку и частенько баловала семью домашней стряпней.

Узнав о школьных неприятностях дочери, мама, как ни странно, отнеслась к ним мужественно.

— Не переживай, Наташа, отец придёт и что-нибудь придумает, вот увидишь.

Мама Наташи виду не показывала дочери, что тоже расстроена, но мужа с работы поджидала, нет-нет, да прислушиваясь к шагам на лестнице. Наташе хотелось, чтобы вечер наступил как можно скорее, так было бы здорово рассказать о случившемся отцу и успокоиться. Всё сейчас валилось у неё из рук, не радовали любимые книжки, не хотелось видиться с закадычными подружками из соседнего дома, не хотелось даже играть в классики, которые они аккуратно расчертили на тротуаре совсем недавно, надеясь на то, что их не испортит переменчивая весенняя погода. Наташа сделала уроки, поиграла в лото с Серёжкой, тот сочувствовал ей и понимал, что дело серьёзное, даже попытался успокоить сестру:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.